

ФИЛОСОФИЯ

ОСНОВАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Д. В. Анкин

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Немецкий философ Э. Гуссерль рассматривал систематически культивируемую в европейской традиции рефлексивную направленность мысли в качестве «теоретической установки» сознания, он равно связывал с данной формой (установкой) сознания философию и науки. Для сближения философии и наук имеются основания. Во-первых, все теоретические науки развивались в лоне философии, прежде чем обрели самостоятельность. Во-вторых, как философия, так и конкретные науки равно стремятся к разграничению объективного и субъективного в содержании человеческого сознания. Если же признать, что для разграничения объективного и субъективного, достоверного и недостоверного в содержании сознания необходима рефлексия, то теоретическая направленность (установка) сознания, о которой размышляет Гуссерль, может быть определена нами как систематически практикуемая рефлексия.

Важной функцией построенного на рефлексии теоретического сознания является *функция экономии ресурсов и возможностей познающего разума*. На данную функцию научной теории философы обращали внимание (по крайней мере, начиная с Э. Маха). Теория позволяет осуществлять «сжатие» безбрежного массива эмпирических описаний. В чем специфика проявления данной функции в рамках философских теорий? Философию можно рассматривать как предельное сжатие, предельное теоретическое обобщение человеческого опыта. Не случайно многие европейские философы обращаются к идее конечности человеческого разума. О конечности человеческого понимания размышляли Пифагор, Сократ, Августин, Лейбниц, Юм, Кант, Хайдеггер и многие другие. Философия,

считали они, порождена человеческой конечностью, а с другой стороны – является стремлением за пределы этой конечности. Философию можно трактовать в качестве преодоления, *компенсации* границ человеческого индивида. Мы приходим к выводу, что различие между рефлексией научной и рефлексией философской заключается не в форме сознания (в обоих случаях это рефлексия), а в степени реализации данной формы. Философия может толковаться как предельная для человека рефлексия, предельное сжатие имеющегося опыта.

Вплотную к семиотическому толкованию философии подходит в своих работах замечательный философ и культуролог М. К. Петров, который определяет философию в качестве «теоретической номотетики, предназначенной для сжатия совокупной культурной информации живущего поколения людей до вместимости головы отдельного индивида». Все прочие функции философии можно рассматривать в качестве производных от этой основной функции предельного по охвату сжатия наличной культурной информации. Философское сжатие совокупной информации производится в рамках сознания отдельного индивида, имеет *индивидуальный характер*, что коренным образом отличает философию как от мифа, опирающегося на безличные и нерелексивные стереотипы восприятия и мышления, так и от наук, которые хоть и релексивны, но имеют коллективный дисциплинарный, стандартизированный в определенных стереотипах характер. Науки сближаются с философией на основе релексивности, а с мифом – на основе коллективности (стереотипности) сознания. Предельное сжатие не может носить коллективный характер, ибо целое может мыслиться лишь из некоторой точки, необходимой для охвата универсума. Поэтому философствование опирается на предельно универсализированную индивидуальность, обнаруживающую собственную всеобщность. Философия есть форма такой индивидуальной релексии, которая всеобща (универсальна), она есть форма *индивидуально-всеобщего*. (Не случайно многие философы именовали себя «гражданами мира».)

Что же лежит настолько глубже теоретической релексии наук, что не допускает стандартизированной практики коллективного (дисциплинарного) сознания? Где залегает уровень индивидуально-всеобщего сознания, характеризующего философию? Мы полагаем предельной для человеческого понимания *вторую релексию* (релексию релексии). Предполагается, что третья релексия невозможна в качестве систематической практики даже для индивидуально-всеобщего сознания. Например, человеческий интеллект уже не может удерживать понимание «знания о знании собственного (не)знания», хотя понимать «знание о собственном (не)знании» (по Сократу) вполне может. Философия – это именно «*вторая навигация*» (по Платону).

Первая навигация – это все формы духовной культуры, как теоретические, так и идеологические. Знаковые основания форм духовной культуры, относящихся к рефлексии первого уровня, легко можно моделировать в семиотиках второго уровня, «вторичных моделирующих системах», которые подразделяются на *метаязыковые* и *коннотативные*:

Метаязык			Коннотация		
X ₂		O ₂	O ₂		X ₂
O ₁	X ₁		O ₁	X ₁	

O – означающее, X – означаемое. O₁/X₁ – знаки первичного языка, O₂/X₂ – знаки вторичного языка (толкование схем можно найти в работе Р. Барта¹).

Философия как вторая рефлексия уже метатеоретична и/или метаидеологична. Поэтому для моделирования философии вторичных знаковых систем вторичных семиотик (метаязыка и коннотации), пригодных для моделирования обычной рефлексии, уже не достаточно. Философия *трансцендирует* все вторичные знаковые образования культуры; семантика философии – трансцендентальная семантика. Чтобы смоделировать вторую рефлексию, необходимо использовать семиотики уже третьего уровня. Семиотики третьего уровня строятся добавлением дополнительного знакового уровня – метаязыкового или коннотативного – к приведенным нами выше моделям вторичных семиотик.

Добавление третьего *метаязыкового* уровня дает следующие модели:

Третичные метаязыковые семиотики

Метаязык метаязыка (1)			Метаязык коннотации (2)		
X ₃		O ₃	X ₃		O ₃
X ₂		O ₂	O ₂		X ₂
O ₁	X ₁		O ₁	X ₁	

Добавление третьего *коннотативного* уровня дает следующие модели:

Третичные коннотативные семиотики

Коннотация метаязыка (3)			Коннотация коннотации (4)		
O ₃		X ₃	O ₃		X ₃
X ₂		O ₂	O ₂		X ₂
O ₁	X ₁		O ₁	X ₁	

Теперь мы можем связать те или иные особенности философского дискурса с полученными знаковыми моделями, имеем возможность се-

миотического объяснения основных форм философского дискурса. Эти основные формы можно именовать *архетипами* трансцендентальной семантики. Прежде чем давать характеристику архетипам, соответствующим построенным нами четырем моделям, отметим черты общности между собой метаязыковых (1 и 2) и коннотативных (3 и 4) архетипов. Метаязык служит анализу и не создает новых смыслов, он вводит лишь новые знаки. Коннотация же, наоборот, новых знаков не создает, а служит порождению новых глубинных смыслов.

(1) Архетип данной модели можно именовать и характеризовать как философский *«анализ»*, предметом которого выступают те феномены культуры, которые образуют метаязыковые семиотики (два нижних знаковых уровня). Традиционной областью анализа является философия науки. Анализ доминирует у таких мыслителей, как Аристотель, Г. Лейбниц, Б. Рассел и др. Феноменология Э. Гуссерля также содержит некоторые элементы анализа. Достоинством аналитического дискурса является его необычайная ясность, выступающая следствием критики языка и создания искусственных языков. Существуют и переходные философские учения, соединяющие данный архетип со вторым метаязыковым архетипом (Витгенштейн, позитивисты).

(2) Архетип данной модели можно именовать и характеризовать как философскую *«критику»*, которая отличается от анализа главным образом предметной направленностью. Критика работает не столько с формальными языками, сколько со *смыслами*. В частности, критика может распространяться и на коннотативные архетипы самой философии (нижеследующие модели философских архетипов). Это приводит к тому, что критика опирается не на формальную, как анализ, а всегда на некоторую содержательную априорность. В то же время критика постольку не переходит в следующий архетип, поскольку препятствует онтологизации своего содержательного априоризма (самокритика). Критику, близкую к анализу, мы обнаруживаем в кантианстве, а переходящую в метафизику, – в марксизме.

(3) Архетип данной модели можно именовать и характеризовать как *«метафизику»*. Метафизика порождает глубинные смыслы за счет коннотации к метаязыку, т. е. за счет гипостазирования абстрактных категорий метаязыка (науки, теологии и др.). Метафизика создает из физики некую глубинную реальность. Метафизика онтологична, ибо наделяет абстрактные сущности существованием, расходясь в этом с предыдущими архетипами (например, с чистой феноменологией). Метафизический дискурс мы находим у таких современных мыслителей, как М. Хайдеггер (открытие «Бытия»), З. Фрейд (открытие «Бессознательного»), Ж. Делез («Складка» и т. д.) и др.

(4) Архетип данной модели можно именовать и характеризовать как «*аксиологию*». Аксиология есть двойная коннотация, т. е. всегда некоторая переоценка ценностей. Ценности же образуются как означаемые второго языкового уровня, в чем данная модель не отличается от критического архетипа. Можно говорить, что аксиология так же нуждается в содержательном *a priori*, как и критика, только толкует его несколько иначе, в рамках иной знаковой системы. Поэтому аксиология может соединяться не только с близкой ей коннотативной моделью метафизики, но и с моделью критики, вступать в симбиоз с критической философией. Аксиологию можно обнаружить и у кантианцев, и у феноменологов. Всякая ирония, начиная с Сократа, базируется на игре переоценки ценностей, поэтому ирония аксиологична. Метафизика же может быть аксиологически окрашенной, как это наблюдалось в большей части традиционной философии.

¹ *Барп Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 114–163.

НА ПУТИ К АЛЬТЕРНАТИВНОМУ ПОНИМАНИЮ БЕСКОНЕЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО

Н. В. Белякин, Л. Н. Победин, Б. И. Прилоус
Новосибирский государственный университет

Введение

Размышления о бесконечности имеют давнюю философскую традицию. Постепенно с развитием науки понятие бесконечности стало и математическим объектом. В настоящее время мы имеем в классической математике стройную теорию бесконечности – канторовскую теорию множеств. Посмотрим, однако, каким объектам реального мира соответствует такое математическое понятие бесконечности.

В обыденной жизни у нас может формироваться такое понятие о бесконечности, когда мы размышляем, например, о количестве песчинок на пляже, количестве звезд на небе и пр. Во всех случаях, когда количество объектов необозримо велико, хочется сказать, что таких объектов бесконечно много. Тем не менее, хотя мы и не можем назвать точное количество песчинок на пляже, мы понимаем, что это количество выражается большим, но все же конечным числом. Что же касается числа видимых